

Мысли о творчествѣ.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ И ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Возрожденье — весна, Возрожденіе — солнечный праздникъ, Возрожденье — расцвѣтъ каждаго я, хотящаго жить и смотрѣть на міръ жадными раскрытыми глазами, торжество творческой прихоти, воскресеніе духа и тѣла, равноправіе души и тѣла, напѣвная одухотворенность тѣлеснаго и тѣлесная четкость духовнаго.

Возрожденье — весна, а въ какой день начинается весна, никогда никому неизвѣстно, хотя у насъ есть мѣсяцесловъ и опредѣленный дѣленія года. Весна иногда прилетаетъ въ студеную зиму, посвѣтитъ теплымъ Солнцемъ, пожурчитъ нѣсколькими ручейками оттепели, пропоетъ пѣсней красногрудаго снигирия, и снова улетитъ куда-то надолго, передъ тѣмъ какъ зазеленѣтъ апрѣлемъ и расцвѣсти маемъ. Но эта весна въ зимѣ все-же была, пусть она длилась лишь нѣсколько часовъ. И также бываетъ всегда обратно: Въ царствѣ горъ внизу въ долинахъ цвѣтеть черемуха, цвѣтутъ золотые и красные цвѣты, а на вершинахъ вѣчное безмолвіе одноцвѣтнаго снѣга, и все-же это весна, и все же это зима въ веснѣ.

Это простое явленіе рѣдко помнятъ историки, когда они пишутъ свои тяжеловѣсныя книги. Искусственны историческія разграниченія и раздѣленія исторіи на эпохи. Никакая эпоха не начинается и не кончается въ опредѣленный день, всѣ онѣ переливаются одна въ другую, и каждая эпоха залетной весной или самоограниченной вьюгой много разъ возникала въ другія эпохи, отмѣченныя другими именами.

Когда говорятъ о Эпохѣ Возрожденія, обычно разумѣютъ освобожденіе личности отъ узъ средневѣковаго аскетизма и мрачной церковности, духовное раскрѣпошеніе человѣка, возвращеніе къ радости жизни, гуманистовъ, работавшихъ надъ воз-

становленіемъ въ сознаніи Древняго Міра Римскаго и Эллинскаго, великихъ художниковъ и ваятелей 14-го и 15-го вѣка. Мнѣ кажется, что Возрожденіе началось гораздо раньше. Когда называютъ львино-орлиное имя Леонардо да Винчи, или вызываютъ упоминаніемъ призраки титаническихъ созиданій Микель Анджело, я чувствую все величіе и подлинность понятія Возрожденіе, но мнѣ хочется сказать, что Данте — имя еще болѣе лучезарное, и онъ былъ раньше, что святой Францискъ Ассизскій, родившійся въ 1182-мъ году, былъ вѣстникомъ Эпохи Возрожденія, что Французскіе и Провансальскіе трубадуры вмѣстѣ съ Грузинскимъ пѣснопѣвцемъ Руставели были творцами Возрожденія въ самомъ достовѣрномъ смыслѣ этого слова. Мнѣ говорятъ, что Данте поэтъ Средневѣковья. Я говорю: Нѣтъ. Ибо Средніе вѣка презирали женщину, считали ее союзницей Дьявола, и утверждали, что только мужчина созданъ по образу Божію. Средніе вѣка говорили, что женщины, ведущія пляску, носятъ на шеѣ своей колокольчикъ Дьявола, который слѣдитъ за ними своими глазами, какъ въ стадѣ корова, носящая на шеѣ колокольчикъ, указываетъ пастуху, гдѣ находится ея подруги. А Данте въ своей безсмертной книгѣ «Vita Nuova» показалъ человѣческому сердцу новую дорогу, научилъ его любить благородно, вознесъ женскій ликъ, окруживъ Беатриче почти божескими почестями. И въ «Божественной Комедіи», въ исполинской поэмѣ Ада, Чистилица и Рая, мужчина, Виргилій, водить Данте по Аду, а въ Рай его ведетъ женщина, Беатриче. И если помнить, что люди Эпохи Возрожденія являютъ многообразіе творческой личности и введеніе въ свои созданія яркихъ элементовъ новизны и смѣлости, нельзя не видѣть, что Данте есть воплощеніе величія личности. Человѣкъ трехъ міровъ, доступныхъ въ этой жизни лишь генію и провидцу, онъ ихъ посѣтилъ. Высочайшій поэтъ, онъ пожелалъ быть гражданиномъ своей родины, дѣйственнымъ воиномъ ея, простымъ солдатомъ, нищенствующимъ изгнанникомъ. И хоть онъ обладалъ знаніями своего времени, — создавая свою поэму, онъ одѣлъ напѣвную мечту не въ пышную Латынь, недоступную для народа, а избралъ именно народный языкъ, бывшій тогда еще неопытнымъ нарѣчіемъ, скромнымъ *vulgate*, языкомъ черни, и тѣмъ совершилъ чудо пресуществленія, создалъ вѣкамъ Итальянскій языкъ, сладчайшій изъ Европейскихъ языковъ.

Францискъ Ассизскій, одинъ изъ самыхъ раннихъ перво-творцовъ этого языка, пропѣлъ «Canto del Sole», «Пѣснь къ Солнцу». Солнце ему братъ, и братъ ему вѣтеръ, сестры ему земля и вода, весь міръ есть великое братство людей и стихій, братья — свѣтила, и звѣри и птицы, и все, что живетъ и дышетъ. Что есть Францискъ Ассизскій? Личность противъ Церкви, какъ холоднаго умственнаго зданья, личность, вышедшая изъ душныхъ подземелій на Солнце, къ веснѣ, къ возрожденію,

къ любви, къ всеобъемлющей духовной вселенской ласкѣ, превращающей того, въ чьемъ сердцѣ она загорится, въ солнечный свѣтильникъ, въ нечеловѣчески-богатую эфирную среду, черезъ которую въ звѣздной пляскѣ бѣгутъ міры и столѣтія.

Боккачіо и Петрарка — достаточно выразительные дѣятели Эпохи Возрожденія, но, если Боккачіо написалъ много красивыхъ сказокъ, и явилъ много прелестныхъ женскихъ образовъ, тотъ же самый Боккачіо былъ женоненавистникъ, какъ женоненавистникомъ былъ и Петрарка, хотя онъ создалъ чарующій ликъ Лауры. А жившіе за нѣсколько столѣтій до нихъ трубадуры и пѣвецъ Руставели видятъ женщину всегда только въ свѣтломъ ликѣ, называя женщину — Красивое Зеркало, Магнитъ, лучше чѣмъ Владычица, Красивая Радость, Солнце, — и въ утвержденіе полноправнаго равенства мужской и женской души говоря: — Ужь когда въ пещерѣ львята, — львица, левъ — вполне равны.

Такое пониманіе женскаго лика ближе къ человѣческому достоинству и болѣе умѣстно въ рамкѣ такого высокаго понятія, какъ Возрожденіе.

Быть можетъ, для правильнаго разсужденія нужно прибѣгнуть къ тому способу опредѣленія понятія Возрожденія, которое мы находимъ въ богословской литературѣ. А именно: Понятіе Возрожденія весьма близко къ понятію благодати. Это завершенный шагъ, сливающийъ воедино два нераздѣльные состоянія, оправданіе и освященіе. Оправданіе человѣка, невмѣненіе ему грѣха. Зло есть, и манитъ, и чаруетъ, но оно скользитъ по внѣшней части круга, а не составляетъ его средоточія. А весь кругъ мчится туда, куда влечетъ его верховная Свѣтлая Сила.

Сбросивъ навязанное вѣками бремя грѣха, человѣкъ дышетъ свободно, онъ выпрямляется во весь свой ростъ, онъ строенъ, красивъ, и высокъ, онъ силенъ и высокъ, какъ Давидъ Микель Анджело, онъ много выше, чѣмъ Давидъ Микель Анджело, высота его духа роднитъ его съ птицами и звѣздами, ставитъ передъ Леонардо да Винчи всѣ загадки, которыя мучаютъ человѣческой умъ, внушаетъ Леонардо да Винчи такіе замыслы, которые смогли вполне осуществиться только черезъ 400 лѣтъ. Плавать подъ водой и крылато плавать въ воздухѣ.

Цѣлую тысячу лѣтъ отъ начала нашего лѣтосчисленія человѣческой духъ влачилъ этотъ камень грѣха, и, смотря на міръ тускло и слѣпо, ждалъ пришествія Царства Божія. Но Царство Божіе не пришло. И какъ не пришло небесное Царство Божіе на землю, такъ точно и земной Иерусалимъ оказался ускользающей задачей бесплодныхъ предпріятій. Пожалуй, предпріятій далеко не бесплодныхъ. Иерусалимъ остался въ рукахъ

невѣрныхъ. Но попутныя страны, и новое небо, и красивыя новыя лица, и ткани, и цвѣты, и цвѣта, и благовонія упоили странниковъ, и они вспомнили, что Земля прекрасна, и что жизнь съ красотой плѣнительна.

Магометъ проклялъ изображенія существъ и сказалъ: — «Ты изобразишь существо, а оно потомъ явится въ день Суда и скажетъ: Ты меня изобразилъ, но души мнѣ не далъ». Совершенно такъ же и Отцы Христіанскіе говорятъ: «Да будутъ прокляты тѣ, которые создаютъ рукой своей изображенія». Но художникъ, но человѣкъ съ проснувшейся душой, раскрытой къ красотѣ Природы, не послушался такихъ запретовъ, и толпы художниковъ, своевольныхъ и своенравныхъ, наполнили города и села творческими изображеніями, озаренными свѣтомъ торжествующей благодати, погашающей тѣнь грѣха, изображеніями, говорящими душѣ о веснѣ, когда въ возрожденномъ тепломъ воздухѣ возникаютъ самыя страстные и въ страсти самыя невинныя поцѣлуи. Природа не захотѣла больше быть въ изгнаніи. Она усмѣхнулась и вошла всюду, гдѣ ей захотѣлось, сдѣлавъ даже церковныя иконы весело радостными. вмѣсто мертвой мозаики, гдѣ всѣ фигуры воплощаютъ застывшій судъ, возникаетъ любящая Мадонна Чимабуэ съ слегка наклоненной головой, точно она прислушивается къ людскимъ голосамъ. вмѣсто одноцвѣтнаго золотого слѣпного фона за ликами Джотто возникаетъ пейзажъ. Темная заслона Земли и золотая заслона Неба одинаково отступаютъ и падаютъ, ибо въ мірѣ повѣяла весна и зачался разсвѣтъ. Принимая разнообразнѣйшіе лики и вставая прихотливѣйшими изображеніями, Природа уже не отступитъ отъ души художника, и будетъ присутствовать во всѣхъ его созданіяхъ. То какъ бѣлыя птицы и проворныя зайцы на волшебной картинѣ Пизанелло, видѣніе святого Евстафія, увидѣвшаго распятіе между развѣсистыми рогами оленя, то какъ тяжелые кони Паоло Уччелло, плѣненного перспективой и влюбленного въ рѣдкихъ птицъ, то какъ бѣлобокая сокола на мшистой крышѣ въ картинѣ Піетро делла Франческа, гдѣ надъ лежащимъ между травъ избраннымъ ребенкомъ, будущимъ водителемъ совѣстей и столѣтій, красивыя дѣвушки играютъ на мандолинахъ, то какъ голубые гроты Леонардо, то какъ женскія легкія тѣла, просвѣчивающія черезъ воздушныя ткани Боттичелли, то какъ грозное, вихремъ схваченное, Небо Микель Анджело, исполненное магнитныхъ вліяній, грозное пространство, по которому мчится Миротворящая Сила.

Человѣкъ вновь сдѣлался самимъ собой. Человѣкъ рѣшилъ жить въ жизни и являть изъ себя многосложную полноту достижений. «Я сдѣлался самимъ собой», говоритъ Понтано. «Человѣкъ созданъ для самого себя», говоритъ Латини. «Жить рѣшительно», говоритъ Аретино. «Кто развиваетъ свои личныя

способности, тотъ достаточно оказываетъ услугъ государству», говоритъ Альберти. О достоинствѣ человѣка пишетъ въ началѣ 15-го столѣтія Манетти, о достоинствѣ человѣка пишетъ въ концѣ столѣтія Пико делла Мирандола. Личность торжествуетъ свой расцвѣтъ, и въ Италіи Возрожденія возникаетъ орлиный выводокъ геніевъ, изъ которыхъ каждый умѣетъ глядѣть на Солнце, не мигая, и умѣетъ расцвѣсти могучимъ многоцвѣтнымъ деревомъ, и умѣетъ схватиться съ врагомъ, если это нужно, и если даже этого не нужно, какъ всегда бывало съ бѣшенымъ Бенвенуто Челлини, воплотившимъ въ себѣ все своеволие непреграднаго. Человѣкъ Возрожденія завоеватель новаго, всегда хранящій свой ликъ побѣднымъ. Франческо Сфорца получилъ отъ своего отца три совѣта: «Не смотришь жадно на жену подчиненнаго, не наноситъ никому чрезмѣрнаго удара, и никогда не садится на лошадь, которая закусываетъ удила». Осуществляя такіе гармоническіе совѣты, въ бѣлой тогѣ, онъ вступилъ въ Миланъ, несомый народомъ, отъ котораго онъ получилъ мечъ, скипетръ, знамя, ключи и печать. Современникъ описываетъ, что въ 60 лѣтъ онъ казался на конѣ юношей, что онъ былъ высокъ и величествененъ, что онъ казался среди своего времени единственнымъ, и не было ничего, чѣмъ бы, сильно того желая, онъ не овладѣлъ. Это — образъ каждаго генія Возрожденія, изъ нихъ любой въ своемъ блескѣ кажется единственнымъ.

Судьба съ явнымъ умысломъ дала имя Льва двумъ самымъ выразительнымъ геніямъ Возрожденія. Имя Альберти—Леоне, имя Винчи—Леонардо. Это — существа, хватка которыхъ безошибочна. Зодчій и первый писатель по основнымъ вопросамъ искусства, Альберти сказалъ: «Чѣмъ большимъ числомъ лучей ты пользуешься при зрѣніи, тѣмъ больше представляется тебѣ видимое». И онъ окружилъ себя лучезарностью. Не только онъ охватилъ своей мыслью всю область искусствъ, но и самъ былъ прекраснымъ художественнымъ созданіемъ. Онъ умѣлъ владѣть оружіемъ, былъ превосходнымъ всадникомъ на конѣ, игралъ на музыкальныхъ инструментахъ, радовался наукамъ, какъ драгоценнымъ камнямъ и ароматнымъ цвѣтамъ, упражнялся въ бѣгѣ, и, какъ древній викингъ, могъ перепрыгнуть черезъ человѣка, своей рукой могъ такъ сильно подбросить серебряную монету, что бывшіе съ нимъ въ храмѣ ясно слышали, какъ она ударялась о сводъ, самыя дикія лошади дрожали подъ нимъ, повинаясь, — умѣлъ покорять себя, и, если чего не зналъ еще, учился жадно у всѣхъ, у художниковъ, ораторовъ, ремесленниковъ, сапожниковъ, — если хворалъ, что было рѣдко, пѣніемъ побѣждалъ недугъ, и, говорятъ, въ его распоряженіи былъ демонъ, черезъ котораго онъ сразу опредѣлялъ людей. Леонардо да Винчи, всего болѣе знаменитый, какъ живописецъ, ставилъ живопись выше всѣхъ искусствъ, и говорилъ, что живопись

внучка Природы и родственница Бога. Но онъ былъ такъ же зодчимъ, военнымъ инженеромъ, анатомомъ, ботаникомъ, біологомъ, основателемъ біологіи, и, изучая полетъ птицъ, онъ столько сдѣлалъ для разработки идеи аэроплана, что, какъ говоритъ Бельтрами, если-бы Леонардо могъ на минуту очутиться среди нашихъ Райтовъ, Вуазэновъ, Фармановъ и Блэрю, онъ, несмотря на свое четырехвѣковое старшинство, чувствовалъ бы себя въ родной семьѣ, и передъ волшебнымъ зрѣлищемъ плавнаго полета аэроплана на лицѣ его отразилось бы чувство удовлетворенія, но не удивленія.

Природа любитъ тѣхъ, кто ее любитъ, и она открываетъ свои тайны и талисманы тѣмъ, кто хочетъ ея сокровищъ. Природа не дѣлаетъ при этомъ нашихъ различій и раздѣлений, и вмѣстѣ съ хотѣньемъ, какъ огнемъ побуждающимъ, она бросаетъ свои дары одинаково и сыну знатнаго и сыну незнатнаго. И когда хотѣнье достижений овладѣваетъ цѣлой эпохой, это видно особенно четко. Учелло — сынъ цирюльника, Липпо — сынъ мясника, Аретино — сынъ сапожника, великій Джотто былъ пастухъ. Для избранника Природы, который хочетъ, нѣтъ предѣла и грани. Маленькому Себастьяну Баху, которому было нужно украсть изъ шкафа завѣтную нотную тетрадку, помогла Фея луннаго луча. Флорентійскому поваренку Люлли помогъ добрый духъ гитары, который привелъ его и къ скринкѣ, и сдѣлалъ виртуозомъ. Къ Тартини, когда онъ спалъ, явился самъ Дьяволъ, и такъ неправдоподобно и ловко игралъ на скринкѣ, что вотъ и сегодня еще этотъ сонъ можетъ снова присниться. И Геній весны владѣлъ всей душою Доменико Скарлатти, когда музыкантъ, сынъ музыканта, основатель сонаты и сынъ создателя арін, онъ писалъ такую изящную музыку, исполненную полета бабочекъ и журчанья ручья, что свѣтовые перепархивающіе его звуки иногда можно слышать даже у нашего альфа, Скрибина.

Торжествующая Природа и пробужденная Личность, вотъ два свѣтильника, два уводящіе факела, озаряющіе Возрожденіе и говорящіе о Новомъ Времени, о Новомъ Человѣкѣ. Эти два свѣтильника вели Колумба, Генуэзца, ставшаго Испанцемъ, когда, овѣянный дыханьемъ Моря, онъ сталъ побѣдителемъ пространства и разгадалъ загадку Океана. Это пламя владѣло Кортесомъ, когда, исполненный любви къ невозможному, съ кучкой воителей, которыхъ каждую минуту нужно было превращать изъ разбойниковъ въ героевъ, онъ, воплощая торжество отдѣльной воли надъ тысячею препятствій, завоевалъ Мексику, явился человѣкомъ, побѣдившимъ цѣлое царство. И тотъ же огонь горѣлъ въ Сервантесѣ, когда, поэтъ, онъ бился за родную Испанію, и раненый снова звалъ солдатъ на приступъ, и въ плѣну у Мавровъ, силой честной души и силой глазъ сво-

ихъ, не позволилъ себя казнить, и, будучи своими соотечественниками посаженъ въ тюрьму, написалъ «Донъ Кихота», книгу, являющуюся одной изъ трехъ книгъ которыя читають всего больше на Земномъ Шарѣ. Тѣмъ же яркимъ пламенемъ горѣлъ Кальдеронъ, когда въ драмѣ «Жизнь есть Сонъ» онъ заставилъ говорить Человѣка съ Богомъ, и Шекспиръ, когда изъ конюха онъ сталъ поэтомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ и лучшимъ воплощеніемъ могучаго народа, полюбившаго, какъ стихію свою, Океанъ.

И это на переломѣ двухъ временъ, Старога и Новаго, были созданы два художественные образа, которые, тысячекратно измѣняясь, выразили полную свободу личности въ ея жаждѣ безграннаго. Тирсо де Молина написалъ Донъ Жуана, Марло написалъ Фауста. Безпреградность и непредѣльность въ чувствѣ, безпреградность и непредѣльность въ мысли.

Когда думаешь о генияхъ, вспоминаешь Звѣздное Небо. Звѣзды возвышаютъ насъ и ведутъ. И созвѣздія указываютъ намъ, гдѣ мы. Если мнѣ скажутъ — Семизвѣздье Большой Медвѣдицы, я чувствую нашу Рессію, я чувствую снѣжную Норвегію. Если мнѣ скажутъ — Созвѣзды Южнаго Креста, я сразу тамъ, на другой половинѣ Земного Шара, въ Мексикѣ, въ Майѣ. Но иногда не нужно даже называть цѣлое созвѣздіе. Кто скажетъ — Сириусъ, тотъ скажетъ — Древній Египетъ. И если цѣлую сумму вѣковъ обозначать однимъ именемъ, если хотѣтъ исчерпывающаго талисмана, тогда для означенія Новаго Времени и Эпохи Возрожденія нѣтъ имени болѣе звѣзднаго и четкаго, чѣмъ имя Леонардо да Винчи.

Художникъ съ гибкимъ тѣломъ леопарда,
А въ мудрости лукавая змѣя,
Во всѣхъ его созданьяхъ есть струя,
Духъ белладонны, ладана, и нарда.

Въ немъ зодчій сновъ любилъ пѣвучесть барда,
И магъ о каждой тайнѣ бытія
Шепталъ, ее качая: «Ты моя!»
Не тщетно онъ зовется Леонардо.

Крылатый былъ онъ человѣколевъ.
Еще немного, и, глазами рыси
Полеты птицъ небесныхъ подсмотрѣвъ, —

Онъ долженъ былъ парить и вѣдать выси.
Среди людскихъ, текущихъ къ Безднѣ, рѣкъ,
Имъ предугаданъ былъ Сверхчеловѣкъ.

РОМАНТИКИ.

Есть въ каждомъ языкѣ четкія слова, имѣющія свойство магической формулы. Сказавъ такое слово, сразу даешь образъ, рядъ образовъ, исчерпывающихъ и выразительныхъ, и однако это слово примѣняется нерѣдко совершенно произвольно. Таково Испанское выраженіе «*sin segundo*», «безъ второго», то-есть человѣкъ единственный и несравненный, первый и одинъ, такого второго быть не можетъ. Это слово часто встрѣчается у Кальдерона и Тирсо де Молина, въ той старой Испаніи, которая любила достиженіе, въ той Испаніи, владѣнія которой были такъ обширны, что Солнце въ нихъ никогда не заходило. Таково Итальянское слово «*virtù*», «добродѣтель», добротность, достоинство, сила, въ примѣненіи къ художнику или художественному произведенію. Сказавъ это слово, сразу вызываешь Сибилль Микель Анджело или Джоконду Леонардо да Винчи. Таково Французское выраженіе «*homme supérieur*», «высшій человѣкъ», человѣкъ особенный, отдѣльный, внѣ разряда обыкновенныхъ людей. Это слово вошло въ моду во второй половинѣ 18-го вѣка, въ дни Руссо. Таково Нѣмецкое слово «*Übermensch*», «сверхчеловѣкъ», обычно связываемое съ Ницше, но употреблявшееся еще раньше Романтиками и Гете, и я думаю раньше, чѣмъ Романтиками и Гете, его напримѣръ, вполне можно было бы примѣнить къ крестьянину-мистыку 16-го вѣка, Якобу Бѣме: Этотъ саножникъ-философъ видѣлъ Бога въ лицо, какъ позднѣе Его видѣлъ Англійскій граверь, художникъ и поэтъ. Вильямъ Блэкъ.

Къ разряду такихъ словъ-формулъ, сразу вызывающихъ тотъ или иной образъ или цѣлый рядъ образовъ, сразу и чрезвычайно четкихъ и совершенно неопредѣленныхъ, произвольныхъ, относится и слово Романтикъ, Романтизмъ. Романтикъ Фридрихъ Шлегель, и романтикъ лордъ Байронъ. Но какъ мало между ними сходства. Съ другой стороны, что романтичѣе фигуры Прометея, похищающаго огонь съ неба и соединяющаго небо и землю огненной перевязью? Почему бы намъ, опираясь на это, не считать Эсхила однимъ изъ наиболѣе крупныхъ романтиковъ?

Формула, сразу, точная и вовсе неопредѣленная. Если обратиться къ рассмотрѣнію самого слова, мы видимъ, что впервые оно стало употребляться въ половинѣ 17-го столѣтія въ Англии. Самое раннее извѣстное его употребленіе мы находимъ въ 1654-мъ году: Художникъ Эвелинъ называетъ мѣсто у подножья горы романтическимъ. Изъ Англии это слово перешло въ 18-мъ вѣкѣ во Францію и въ Германію, еще не ставъ боевымъ лозунгомъ. Сначала романтической лишь означало жи-

вописный, таинственный, сказочный, похожий на вымыселъ. Нѣмцы, всегда завладѣвающіе чужими изобрѣтеніями, чтобы овладѣти ихъ до законченности и закрѣпить за ними свое имя, овладѣли и этимъ словомъ Романтической, чтобы создать школу, теорію, цѣлый уставъ Романтизма. Но это создалось лишь мало-по-малу. Еще въ 1798-мъ году Фридрихъ Шлегель, одинъ изъ основателей Романтической школы въ Германіи, понималъ это слово такъ обще, что писалъ: «Романтично все превосходнѣйшее, все дѣйствительно поэтическое въ современной поэзіи». Это такой ключъ, которымъ можно отпирать любую дверь. Но тогда разсужденіе теряетъ подъ собой почву и дѣлается совершенно зыбкимъ.

Чтобы сколько-нибудь закрѣпить эту зыбь и разъяснить данное понятіе, нужно взять хоть нѣсколько признаковъ, которые общи Романтикамъ при всемъ ихъ личномъ разнообразіи. Любовь къ далекому, что связано съ мечтой и достиженіемъ, вотъ, быть можетъ, первый изъ этихъ признаковъ. Романтикъ, воплощая въ себѣ жажду жизни, жажду разносторонности, являясь четкой вольной личностью, всегда стремится отъ предѣла къ Запредѣльному и Беспредѣльному. Отъ данной черты къ многимъ линіямъ Новаго.

Воспринимая Землю какъ самоцѣльную планету, которую нужно цѣликомъ понять и завоевать своимъ прикосновеніемъ, Романтики являются тѣмъ бродиломъ, которое, разрушая старое, создаетъ новое. Ихъ родина никогда имъ недостаточна. Ихъ родина — не ихъ родина, а бѣгъ души къ вѣчной родинѣ мыслящихъ и красиво творящихъ. Это выражается въ Романтикахъ и внѣшне. Любя Землю какъ планету не въ частичномъ минутномъ ея ликѣ, а въ звѣздно-небесномъ ея предназначеніи, они жадно устремляются къ новымъ, еще неизнаннымъ, ея частямъ, къ инымъ странамъ, къ чужимъ краямъ. «На Востокъ должны мы искать высочайшей Романтики», говорятъ Шлегели. «Какой источникъ поэзіи могъ бы раскрыться намъ въ Индіи». И они дѣлаются первыми изучателями Индіи, погружаются въ Санскритскій, въ Персидскій языкъ. Величайшіе поэты иныхъ странъ и иныхъ временъ, стоящіе на чертѣ Эпохи Возрожденія и Эпохи Міровыхъ Открытій, Данте, Сервантесъ, Кальдеронъ, Шекспиръ, дѣлаются священными пѣвцами Романтиковъ. Желая найти самого себя, выработать безупречно свое художественное «я», Гете бросаетъ пасмурную Германію и уѣзжаетъ жить въ золотисто-лазурную Италію, какъ уѣзжаютъ въ Италію, чтобъ подышать воздухомъ безсмертія, и Французъ Ламартинъ, и Датчанинъ Эленшлегерь. Байронъ и Шелли, менѣе всего чувствуя себя дома въ родной-неродной Англій, покидаютъ ее навсегда, ихъ родиной становится горный лабиринтъ Швейцаріи, голубая Италія, героическая Эллада. И въ послѣд-

ней своей поэмѣ, «Островъ», Байронъ уносится въ предѣльную даль, въ Океанію, къ островамъ Таити, Тонга, и Фиджи, куда позднѣе въ дѣйствительности уѣдутъ окончить свою жизнь Романтики нашихъ дней, Стивенсонъ и Гогэнъ. А Шелли, все болѣе и болѣе погружаясь въ умозрительныя дали, дѣлается къ концу жизни настолько духовнымъ, что его истиннымъ отечествомъ становится Воздухъ и Океанъ. «Эрнани», драма Виктора Гюго, совершившая поэтическій переворотъ во Франціи, рисуется Испанца, и царственными вліяніями рыцарской Испаніи насыщено все пышное творчество Гюго. Жераръ де Нерваль уѣзжаетъ съ Египеть и Сирію. Шатобрианъ поэтической мыслью уносится къ Американскимъ Индійцамъ, къ теченію многоводнаго Миссисипи. Ксавье де Мэстръ живетъ въ Россіи и въ дикихъ мѣстахъ Кавказа. Пѣвцами Кавказа становятся два трагически-прекрасные наши поэты, Пушкинъ и Лермонтовъ. Испанецъ Эспронседа скитается между Лондономъ и Парижемъ. Мицкевичъ изъ Польши и Франціи уѣзжаетъ въ Турцію. Словацкій живетъ въ Бретани, въ Англии, уѣзжаетъ на Востокъ, грезитъ Древнимъ Египтомъ, и создаетъ въ отрывкѣ «Геліонъ-Эоліонъ» поразительную поэму перевоплощенія. Гофманъ и Эдгаръ По, уже уходящіе изъ Романтизма въ Символизмъ нашихъ дней, избираютъ духовной своей родиной художественную жуть, и никто никогда не узналъ, гдѣ именно былъ Эдгаръ По, когда нѣсколько лѣтъ онъ пропадалъ безъ вѣсти.

Каждый романтикъ и въ грезѣ и въ жизни могъ-бы примѣнить къ себѣ зачарованный стихъ Лермонтова: «Тучки небесныя, вѣчныя странники», или чеканное слово Байрона: «Пилигримы Вѣчности». Каждый истинный романтикъ долженъ быть путешникомъ, ибо только въ путяхъ и странствіяхъ завоевываешь міръ и себя, отгалкиваешься отъ обычной черты, чтобы вступить въ свѣжую тайну, въ воздухъ которой раскрываются новые цвѣты, и поютъ и кличутъ необычныя птицы, съ иной окраской перьевъ, съ инымъ размахомъ крыльевъ.

И тѣмъ, что мечта всегда уводитъ Романтиковъ въ новыя страны, они дѣлаются такими, что поэтическій и жизненный ликъ ихъ уводитъ людей къ новымъ достижениямъ.

Пути людей суть строки въ Лѣтописи Мира, и красиво говоритъ объ этомъ Новалисъ въ своей философской сказкѣ «Ученики въ Саисѣ»: «Многообразными путями идутъ люди. Кто слѣдитъ за ними и сравниваетъ, тотъ увидитъ, какъ возникаютъ волшебныя фигуры: Фигуры, какъ-бы принадлежащія къ той великой тайнописи, которую увидишь всюду, на крыльяхъ, на яичныхъ скорлупахъ, въ облакахъ, на снѣгу, въ кристаллахъ и въ каменныхъ образованияхъ, въ замерзшихъ водахъ, въ нѣдрахъ и въ наружномъ ликѣ горъ, въ растеньяхъ, въ звѣряхъ, въ людяхъ, въ свѣтильникахъ неба, на пластинкахъ смолы и

стекла, когда къ нимъ притронешься, въ желѣзныхъ опилкахъ вокругъ магнита, въ особенныхъ сочетаніяхъ случая. Въ нихъ предчувствуется ключъ этого волшебнаго письма, его языкъ, но предчувствіе это не хочетъ уложиться ни въ какія прочныя формы. Это писаніе аккордъ изъ всемірной симфоніи». Новалисъ продолжаетъ: «О, если-бы человѣкъ понялъ внутреннюю музыку Природы и имѣлъ чувство для внѣшней гармоніи. Но онъ едва знаетъ, что мы вмѣстѣ надлежимъ одному, и ничто не можетъ существовать безъ другого... Настоящій разгадчикъ тайнописи Природы, быть можетъ, придетъ къ тому, что заставитъ различныя силы Природы создать одновременно красивыя и полезныя явленія, онъ будетъ фантазировать на Природѣ, какъ на великомъ инструментѣ, и все-же онъ еще не пойметъ Природу. Это задача естествоиспытателя, чтеца временъ... Чтобы понять Природу, нужно внутренне заставить ее возникнуть во всей ея послѣдовательности». Эти слова Новалиса являются настоящимъ предвозвѣщеніемъ Уоллеса и Дарвина, и ихъ могъ-бы также сказать тотъ великій поэтъ, который былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ романтиковъ, создавъ «Вертера» и «Гёца», и въ позднѣйшей своей жизни сталъ однимъ изъ первотворцовъ эволюціоннаго ученія, Гете, тотъ геній, о комъ нашъ Баратынскій сказалъ:

«Съ Природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье.»

Говоря о познаніи Природы, о точномъ усмотрѣніи тайнаго ея лика, Новалисъ полагаетъ, что эту задачу наилучше можетъ выполнить лишь поэтъ, понимаемый имъ какъ провидецъ, какъ жрецъ, какъ человѣкъ совершенный. «Истинный поэтъ всезнающъ, — говоритъ онъ, — онъ есть дѣйствительный міръ въ маломъ... Поэтъ понимаетъ Природу лучше, чѣмъ научная голова... Поэзія разрѣшаетъ чуждое существованіе въ собственномъ... Природа имѣетъ инстинктъ Искусства, поэтому пустая болтовня, когда желаютъ различать Природу и Искусство... Поэтовъ обвиняютъ въ преувеличеніяхъ... а мнѣ кажется, что поэты далеко еще не достаточно преувеличиваютъ, они лишь смутно предчувствуютъ чару того языка (тайновѣденія), и играютъ фантазіей лишь такъ, какъ ребенокъ играетъ волшебнымъ жезломъ своего отца... Философія есть собственно тоска по отчизнѣ, напряженное желаніе вездѣ быть дома... Поэтическій философъ находится въ состояніи абсолютнаго Творца... Поэзія есть истинно-абсолютная реальность. Чѣмъ поэтичнѣе, тѣмъ вѣрибѣе...»

Совершенный человѣкъ въ совершенной Природѣ — вотъ завѣтъ Новалиса. «Дѣлаться человѣкомъ есть искусство», говоритъ онъ. «Законченный человѣкъ долженъ какъ-бы одновременно быть во многихъ мѣстахъ и жить во многихъ людяхъ...

Человѣчество есть высшее чувство нашей планеты, нервъ, которымъ это звено связано съ верховнымъ міромъ, глазъ, который оно вздымаетъ къ небу... Мы сразу въ Природѣ и внѣ ея... Мы съ Невидимымъ свизаны ближе, чѣмъ съ Видимымъ... Дѣти Бога, мы Божескіе ростки... Человѣкъ долженъ быть совершеннымъ полноцѣльнымъ самоорудіемъ... Міръ во всякомъ случаѣ есть слѣдствіе взаимодѣйствія между мною и Божествомъ. Все, что есть и происходитъ, происходитъ изъ соприкосновенія духовъ... Смерть есть романтизирующая основа жизни. Черезъ смерть жизнь усилена... Смерть есть самопобѣда, которая, какъ всякое самопревозможеніе, доставляетъ новое, болѣе легкое существованіе... Вся наша жизнь — богослуженіе... У насъ одно предназначеніе: Мы призваны создать, образовать Землю... Человѣкъ есть нѣкое Солнце, его чувства — его планеты...»

Еще два изреченія изъ Новалиса, и будетъ совершенно законченъ звѣздный мостъ отъ этого Германскаго красиваго пѣвца вселенской любви къ его Англійскому брату, поэту всебожественія природы, Шелли. «Богъ есть любовь», говоритъ Новалистъ. «Любовь есть высшая реальность, первопричина... Любовь есть конечная цѣль міровой исторіи, аминь Вселенной».

Любовь есть основное начало Міровой Жизни въ воспріятіи Шелли. Любовью проникнуто все его воздушное творчество, любовь свѣтитъ вѣкамъ изъ его гениально-безумныхъ голубыхъ глазъ. «Что такое любовь?» — восклицаетъ онъ. «Спроси того, кто живетъ, что такое жизнь? Спроси того, кто полонъ вѣры, что такое Богъ? Это — священное звено, связующее человѣка не только съ человѣкомъ, но и со всѣмъ, что есть въ мірѣ... Есть краснорѣчіе въ ропотѣ вѣтра, лишеннаго голоса, есть мелодія въ журчаніи ручья и въ шелестѣ осоки; непостижимымъ образомъ сочетаясь съ какими-то движеніями нашей души, эта музыка Природы возбуждаетъ въ насъ безумный восторгъ, извлекаетъ изъ глазъ нашихъ слезы мистической нѣжности въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ благородный энтузіазмъ заботы о родномъ краѣ или голось любимаго существа, чье пѣніе звучитъ лишь для насъ однихъ». («О Любви»). Такъ говоритъ о любви и вѣтрѣ Шелли. А такъ говоритъ о томъ же Новалистъ: «Вѣтеръ есть движеніе воздуха, которое можетъ обуславливаться различными внѣшними причинами, но не больше ли онъ, чѣмъ это, для одинокаго, томленьемъ объятаго, сердца, когда шелеститъ онъ, пролетая мимо, вѣетъ изъ возлюбленныхъ странъ и тысячь смутныхъ печальныхъ звуковъ какъ-бы разрѣшаетъ тихую скорбь въ одномъ глубокомъ напѣвномъ вздохѣ цѣлой Природы?»

Струнные слова Шелли :

Любовь не прахъ, не золото, не глина,
Дѣлать ее не значить отнимать: —
Она какъ умъ: Кто хочетъ понимать,

Предъ тѣмъ весь міръ знакомая картина...
 Она какъ свѣтъ фантазіи живой,
 Межь тысячью зеркалъ она блуждаетъ,
 Въ землѣ глубокой, въ тверди голубой,
 Сквозь бездну призмы измѣнчиво блистаетъ,
 Безбрежный міръ исполненъ ей звездъ,
 О ней во тѣмъ звѣзда поетъ звездъ...
 Любовь равняетъ всѣхъ. Любя упорно,
 Я въ сладость этой истины проникъ: —
 Я знаю, что червякъ подъ глыбой дерна,
 Любя, въ своей любви какъ Богъ великъ.

Звуки золотого колокола, качающагося въ голубой Вѣчности, строки, обрызганныя звѣздной росой любви, магнетизмъ луннаго свѣта, уводящаго душу въ тайну, серебряные бубенчики мечты, рассыпавшіяся по весеннимъ лугамъ, жаворонокъ, притянутый Солнцемъ, въ полетѣ поющей и въ пѣніи летящей облако, которое мѣняется, но не умираетъ никогда, необъятный оркестръ Океана, въ которомъ хорошо утонуть, сліянье воедино вселенской любовности, поэзіи и музыкальности, голубой цвѣтокъ, ведущій въ непознанныя дали, къ торжеству пѣнія, музыкальное начало всего совершающагося, звукъ какъ основа Міра, звукъ какъ основа человѣческой души, черезъ любовь познавшей все, это и много еще другого есть въ глубокихъ созерцаніяхъ и въ мелодическихъ напѣвахъ Шелли и Новалиса. Отсюда, дорогой лучей и тропинками внушеній, разбѣгъ путей къ лунному безумію музыки Шумана, къ напѣвному шелесту колосьевъ и волнъ въ созданьяхъ Шопена, къ сліянію поэзіи, музыки, любви, боли и искупленія въ могучихъ и нѣжныхъ разливахъ музыкальныхъ огней колдующаго Вагнера.

Угадавъ міротворческое значеніе ритма, мы у тайны міра. Въ музыкальную основу души смотрится Вѣчность.

Новалисъ и Шелли два верховные генія Романтики, оба сливающіе красоту личности съ красотой и полнозвучностью творчества, оба за краткую 29-лѣтнюю жизнь создавшіе какъ-бы поэтической трудъ нѣсколькихъ жизней, гдѣ-то въ другихъ воплощеніяхъ ими уже пережитыхъ. И если о Шелли его друзья говорили: «Это не человѣкъ, а духъ», о Новалисѣ сказалъ свое слово Гете: «Онъ еще не былъ императоромъ, но живи онъ дольше, онъ имъ былъ-бы».

Новалисъ и Шелли — два звѣздные стража Романтическаго міросозерцанія, и кто видѣлъ Казбекъ и Монбланъ, тотъ видѣлъ не только двѣ сіяющія горныя вершины, но двѣ цѣльныя горныя цѣпи, со всѣми ихъ пропастями, тропинками, горными долинами, крутыми отрогами и другими отъединенными, равноправно прекрасными, горными вершинами. Быть можетъ, не нужно видѣть ихъ всѣ. Довольно двухъ, довольно одной.

Необходимо только добавить, что въ очарованномъ царствѣ Романтики логической неизбѣжностью является чрезвычайная любовь Романтическихъ поэтовъ къ четыремъ лицамъ. Прометей, Фаустъ, Донъ-Жуанъ, Донъ-Кихотъ, четыре образа, притягивавшіе къ себѣ сердце Романтиковъ, и особенно три изъ названныхъ первыми, вызвали безконечное число поэтическихъ разработокъ. Прометей — порванная преграда между Небомъ и Землей, Фаустъ — жажда безпредѣльнаго знанія, Донъ-Жуанъ — жажда непреградной любви, Донъ-Кихотъ — рыцарь мечты въ безконечномъ стремленіи.

Въ человѣческой душѣ два начала: Чувство мѣры и чувство внѣмѣрнаго, чувство безмѣрнаго. Древняя Эллада это чувство мѣры. Паѳосъ Романтики и творческій огонь нашей Современности, это — чувство внѣмѣрнаго, безпредѣльнаго. Мы хотимъ пересозданія всей Земли и мы ее пересоздадимъ, такъ что всѣ на Землѣ будутъ красивы и сильны и счастливы. Это вполне возможно, ибо Человѣкъ есть Солнце и его чувства — его планеты.

К. Бальмонтъ.